

АЛЫЙ КЛЕМ

Лин Нянян

НЕБЕСНАЯ СОБАКА.
СПАСЕНИЕ ДУШИ НЕСЧАСТНОГО. том 1, 2

Анастасия Медведева

ИМПЕРАТОР ЖЕЛАЕТ УСЛЫШАТЬ «ДА»

Алекс Го

БЕЗМЯТЕЖНЫЙ ЛОТОС
У ПОДНОЖИЯ ХРАМА ИСТИНЫ

БЕЗМЯТЕЖНЫЙ ЛОТОС
И ТУРНИР ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ

Элен Крайдер

ПОРТРЕТ МНОГОЛИКОГО БОГА

Адела Кэтчер

ТЫСЯЧА ЭПОХ. ИСКУПЛЕНИЕ

Ло Ян, Чан Ань

СЛУГА ТИГРА

Юй Сы

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

А. ЭМБЕР

КАРП, КОТОРЫЙ
МЕЧТАЛ СТАТЬ
ДРАКОНОМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э54

Иллюстрация на обложке Norberto Rosewhite
Оформление форзацев и внутренние иллюстрации
UltraHarmonica

Эмбер, А.
Э54 Карп, который мечтал стать драконом / А. Эмбер. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199658-1

Не успев начаться, путешествие Катаси оборачивается полной катастрофой. Кажется, в доме госпожи Сойку ему готовы помочь. Только как такая красавица оказалась в глуши совершенно одна? Какие тайны хранит её прошлое? Почему племянница её, Юкия, живёт под замком и так сильно боится свою тётушку? И главное, как со всем этим связана встреча с огромным карпом, отметившим Катаси ещё в детстве?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199658-1

© А. Эмбер, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Часть 1

КАЙДАН¹

С самого детства Катаси считал, что его ждёт совершенно необычная судьба. Уверенность эта началась с бурного потока реки.

— Катаси, немедленно вернись! Что скажет твой отец?

Голос сестры звучал за спиной, сливаясь с шорохом травы и июльской трелью кузнечиков. Босоногий мальчик бежал всё быстрее, совершенно не намереваясь возвращаться. Разве можно было думать о кистях, чернилах и ровных штрихах на ученической бумаге в такой день? Лето кружило ему голову, впитывалось в кожу ароматом разнотравья и целовало солнцем его тёмную макушку. Катаси было восемь лет.

— Вернись, кому я сказала! Несносный мальчишка!

Сестра кричала ему вслед что-то ещё, но мальчик уже не разбирал слов. Только собственный звонкий

¹ К а й д а н — разновидность традиционного японского рассказа о призраках и другой нечисти, «страшилка».

смех заполнял всё вокруг да радость от скорости, на которую были способны ноги.

Солнечный луг сменился рощей. Меж зелёных деревьев ярко искрилась река. Только когда он коснулся коры старого дуба, такого высокого, что до самых низких его ветвей не мог бы дотянуться даже отец, Катаси остановился.

Сердце стучало от быстрого бега и лихого озорства. Налетевший ветерок пах морем: солью, йодом и сыростью.

Катаси знал, что отец не станет его наказывать слишком уж сильно, а мать лишь посмотрит с укором. Она вернётся вечером, принеся с собой остатки дневного улова и, может быть, рис. Только сестрица могла бы отвесить ему оплеуху сгоряча, если бы успела догнать.

Он с улыбкой смотрел на искрящуюся реку, на качающийся на ветру тростник, на старую лодку, оставленную здесь кем-то из деревенских много лет назад. Непогода и отсутствие людской заботы давно проделали дыры в её днище.

Переведя дух, мальчик отправился по берегу реки к старым мосткам, одному из мест, куда ходить ему строго-настрога запрещалось. Оттого удержаться от нарушения родительского наказа было невозможно. Катаси вновь бежал, ловко минуя корни деревьев. Причин торопиться теперь у него не было, но ему было куда проще бежать, чем спокойно идти. Будто бы его ноги всё время пытались получить награду за долгие часы, проведённые за каллиграфией.

Мостки едва были заметны меж отросших зарослей камыша. Когда мальчик подошёл ближе, ветер заставил его светлые венчики затрепетать. Шуршание при-

брежных трав было столь громким, что по коже бежали мурашки.

Говорили, что в этой реке живут аякаси, духи, которые обычно не вмешивались в дела людей. Однако их всё равно стоило опасаться. Ведь не все из них были добросердечными, да и сердце было не у каждого. Впрочем, Катаси не боялся, даже наоборот.

Старые доски были влажными, тёмными и скрипучими. Деревянная пристань кончалась далеко от берега. Кто построил эти мостки? Когда? Может быть, то был неизвестный владелец той брошенной лодки? Может быть, то был маявшийся от скуки дух, о которых так часто любили рассказывать старшие? Так или иначе, шаги мальчика были осторожными. Ведь он понимал, что дерево под его ногами старое и гнилое. Тем не менее это знание совершенно не было способно отратить его от задуманного.

Катаси лёг на самый край старого причала, как делал это множество раз прежде. Течение здесь было невероятно быстрым, а потому вода завораживала его. Под её гладью, зеленоватой, но тем не менее прозрачной, были видны лишь верхушки бурых и зелёных пресноводных водорослей. Река торопилась скорее воссоединиться с океаном, где воды её станут солёными и кристально прозрачными. Здесь же всё было иначе. Катаси не знал, насколько здесь глубоко, но предполагал, что длинные стебли водорослей начинаются где-то очень далеко внизу.

Солнце поднималось всё выше над верхушками деревьев, на кончик старой деревяшки села, сверкнув крылом, тёмно-синяя стрекоза. Мальчик лежал теперь неподвижно. В голове медленно сменяли друг друга образы морд свиней, копошащихся в загоне на

заднем дворе, лица его старших сестёр, две из которых уже осваивали ремесло матери. Они были ама¹, жемчужные девы — так звали ныряльщиц в их местах. Он вспомнил и отца, потрепавшего его по взъерошенным волосам перед уходом. Тот шёл в город, что обосновался неподалёку на этой же реке. Там он продаст расписанные бумажные веера, украшенные изображениями трёх благородных растений: сосны, бамбука и цветущей сливы. Их отец любил рисовать больше всего, говорил, что они пример стойкости, потому что не боятся даже зимних морозов. Катаси был уверен, что у него самого никогда не получится так изящно рисовать сливовые цветы.

Он почти задремал, застыв у кромки воды, точно сам был вовсе не мальчиком, быстрым и ловким, а камбалой, что лежит неподвижно на морском дне. Вдруг что-то привлекло его внимание в воде, какое-то движение, выбившееся из общего ритма. Он встrepенулся, стал всматриваться в кончики водорослей. Когда Катаси почти уверился в том, что ему показалось, что-то сверкнуло среди них, точно золотой слиток. Мальчик потянулся ближе, чтобы разглядеть получше таинственную искру... Дерево под ним хрустнуло как-то тихо и лениво. Старые доски надломились, лишив Катаси опоры. Он полетел в воду.

Катаси с детства хорошо плавал, как и все в его семье. Однако вода сомкнулась над его головой со-

¹ Ама — название женщин-ныряльщиц. Считалось, что женщины могут задерживать дыхание дольше и выносить перепады температур лучше. Поэтому в Японии и некоторых других азиатских странах добычей жемчуга и других даров моря занимались девушки. Общины были закрытыми, а уклад походил на матриархат.

вершенно неожиданно, сменив летний воздух холодным покровом. В ушах зашумело, и на пару мгновений Катаси потерялся, перестал понимать, где верх и низ. Этого оказалось достаточно для того, чтобы ноги его запутались в водорослях. Он с трудом освободился, на секунду ему даже удалось выплыть на поверхность, жадно глотая воздух. Однако из плена реки он вырваться не смог. Течение понесло его в сторону океана.

Вода кидала его из стороны в сторону, мальчик совершенно не мог ничего поделаться. В голове яркой вспышкой сверкнула мысль, что надо плыть к берегу. Да куда там! Река несла его по своей воле всё дальше. Пару раз он будто бы терял равновесие. Тогда голова его скрывалась под поверхностью, а гортань обжигала ледяная вода. Он тонул, а ноги будто бы тянули ко дну чьи-то невидимые руки.

Он не понял, когда силы покинули его. Вода будто проглотила мальчика, и его тело, тяжёлое и сонное, потянулось ко дну. Водоросли над его головой становились всё гуще, пока солнечный свет и вовсе не померк. Пузырьки воздуха летели вверх, рассыпаясь, точно горошины.

Вдруг стало светло. Свет ослепил его. Мальчик подумал, что, может, именно так выглядит смерть, но это была не она. В мгновение ока что-то выдернуло его из воды к спасительному воздуху. Перед глазами мелькнули плавники, переливающиеся зелёным, красным и золотым, что-то больно кольнуло над правой бровью. Вода вокруг забурлила... Катаси оказался на мелководье.

Женский визг убедил его в том, что он ещё жив. Катаси кашлял. Вода покидала его лёгкие и желудок,

грудная клетка казалась исцарапанной изнутри когтями голодного зверя. Его потащили к берегу. Это были жительницы их деревни, местные вдовы, служившие прачками при семьях ныряльщиц за жемчугом — те приносили в семью доход, но не могли уследить за чистотой собственных домов.

Одна из них, говорили, была ещё и ведьмой, обладавшей силой видеть незримое. Именно она заставила Катаси, всё ещё слабого, сесть. Пальцы её больно вцепились в подбородок, а ладонь другой руки убрала со лба отросшую чёлку. Её пытливый взгляд был прикован к тому месту над бровью, где всё ещё пульсировала боль.

— Надо кровь остановить, — пролепетала одна из женщин. — Шрам точно останется...

Ведьма цокнула языком. Катаси навсегда запомнил этот звук как пренеприятный.

— Да и не только шрам, — сказала та. — Он теперь меченый.

Позже женщины уверяли, что видели, как из воды мальчика к берегу вынес огромный карп, плывший против течения.

Глава 1

ГДЕ-ТО В ГОРАХ

Катаси

Иваки Катаси жил на свете двадцать один год и совсем не собирался умирать. Эта мысль посетила его в тот момент, когда земля под его ногами не просто содрогнулась, но разошлась в стороны, поднимая клубы пыли. Юноша полетел вниз и невольно вспомнил случай из далёкого детства, когда совершенно так же потерял под собой опору и неожиданно рухнул. Однако теперь под ним была не река, а глубокая трещина в земле. Рядом не было никого, кто мог бы ему помочь, а на явление волшебного карпа надеяться не приходилось.

Пыль лишила его зрения ещё до того, как падение завершилось. Руки судорожно цеплялись за короб с кистями и чернилами, будто бы от этого зависела его жизнь, шляпа, прежде защищавшая от солнца, слетела с его головы... Затем он ударился затылком, в ушах зазвенело, а сознание его покинуло.

Когда Катаси очнулся, он с удивлением обнаружил, что всё ещё жив. В этом не было никаких сомнений, так как голова его гудела, а глаза сквозь прикрытые веки всё ещё были способны различать свет. Несомненно, даже если бы он стал призраком, едва ли он бы мог ощущать головную боль. Его плоть буквально вопила о жизни, сохранившейся в ней каким-то чудом, не иначе.

Он попытался сесть, но движение вышло слишком резким, и к горлу подступила тошнота. Что-то коснулось его губ. В рот полилась терпкая жидкость. Женский голос, удивительно ласковый, но при этом какой-то неестественно холодный, произнёс:

— Не время, милый мой, тебе просыпаться, пей, пей, набирайся сил. Они мне понадобятся.

Смысл фразы ускользнул от него, и позже он с трудом смог вспомнить неясный шепот.

Следующее пробуждение оказалось приятнее.

Катаси сел, осторожно на этот раз. Однако опасения его были излишними. В теле не осталось тошноты или боли. Разве что небольшая слабость да лёгкое головокружение. Такое бывало после слишком долгого сна в неудобной позе. Правая рука немного онемела. Он понял вдруг, что она перевязана от локтя до самого запястья. Юноша порадовался, что ведущая рука у него левая, в отличие от многих сверстников. Значит, и кисть он сможет держать, а это главное.

Комната была незнакомой. Свет падал через открытое окно, на полу танцевала кружевная тень деревьев. Те росли к дому так близко, что ветви их так и норовили забраться внутрь. Воздух был чист, но, казалось, какой-то необъяснимый и тревожный запах затхлости портил его вкус. Катаси стало неудобно.

Впрочем, мысль эта быстро покинула его, потому что одна из перегоронок со знакомым шуршанием отъехала в сторону. В комнату влетели две девушки в простых, но опрятных одеждах. Они без особого изящества поклонились ему и, прежде чем он успел хоть что-то сказать или сделать, вновь скрылись за створкой.

Он ничего толком не понял. По крайней мере он, похоже, попал к людям, которые были готовы о нём позаботиться. Очень быстро створка открылась вновь. На этот раз безмолвная служанка несла изящный лаковый поднос. В животе заурчало.

— Здравствуй, — попытался начать разговор Катаси.

Однако девушка не издала ни звука, отчего юноша растерялся. Она оставила угощение, поклонилась и вновь покинула его. Пустой желудок напомнил о себе, стоило Катаси лишь взглянуть на принесённое угощение. Тофу, тушёные овощи, зелёные бобы, горька полупрозрачных крохотных рыбок, каких он только мельком видел, да никогда не пробовал. Лакомство было ему не по карману. Плошка риса... Белого риса, чистого и ароматного! Такой он мог позволить себе только на праздник Нового года¹.

Раз уж он вновь избежал неминуемой гибели да к тому же попал в дом к людям, которые были готовы кормить его как самого императора, кто он такой, чтобы противиться воле богов?

Именно в тот момент, когда он закончил есть, точно по волшебству створка вновь отъехала в сторону. В этот раз в комнату вошла женщина. Движения её

¹ Долгое время белый очищенный рис был очень дорогим угощением. В Новый год его старались подавать к столу, так как белые блюда приносили удачу.

